

Попутно сообщается — единственное во всем рапорте — сведение технического характера о весе первого черепановского паровоза (эти данные отсутствовали в заметках «Горного журнала»). «Доставка ж оной („пароходки”.— В. В.) будет стоить довольно дорого, потому что она весит около 150 пуд (2,4 т.— В. В.)».

«Мы полагаем,— говорится далее в рапорте,— сделать с той пароходки модель в три аршина (3,1 м.— В. В.), которая может быть и в действии, но она ранее как к последнему зимнему пути следующего года готовою быть не может».

До сих пор о предложении заводской конторы изготовить действующую модель черепановского паровоза еще летом 1834 г. мы не знали. Было бы очень важно исследовать, от кого исходила эта инициатива.

Нечего и говорить, в каком противоречии с творческими планами Черепановых и Швецова находилось стремление администрации отослать первый паровоз в столицу «на показ».

Намерения изобретателей были отчетливо отражены уже в первой заметке «Горного журнала»: паровоз должен был использоваться «для употребления при перевозке руд» [6, с. 448]. Может быть, именно они и предложили построить модель паровоза и отправить ее в Петербург, удовлетворив этим самолюбие хозяина, с тем чтобы самый паровоз оставался на заводах и как можно скорее получил практическое применение.

Что касается «господ правящих», то они и в тот период, когда строительство паровоза близилось к завершению и он «неоднократно был и перепускан», не представляли себе достаточно ясно, для чего его можно использовать на заводах. Конторская администрация глубокомысленно заявляет, что «пароходка» — «не может без усовершенствования иметь ход по обыкновенной дороге». Таким образом, они допускали возможность переделки паровоза, который, по их словам, испытывался «по чугунной и деревянной (лежневой.— В. В.) дорогам», в паровой самоход или тягач с колесами, пригодными для движения по обыкновенным дорогам.

В рапорте совсем не затрагивается вопрос о необходимости готовиться к прокладке рельсовых путей для доставки медных руд на Выйский завод. И это было задолго до того, как П. Н. Демидов утратил свой временный интерес к черепановскому изобретению, до того, как наследник престола и его свита, посетившие в 1837 г. заводы, отнеслись к «пароходке» с безразличием.

Будем надеяться, что дальнейшие исследования фондов ГАСО и других архивов помогут обнаружить и другие документы, относящиеся к созданию первых русских паровозов и их судьбе.

Литература

1. ЦГИА, ф. 446, оп. 31, д. 7.
2. ГАСО, ф. 643, оп. 3, д. 1186.
3. Рафиков М. Уточнение архива.— Тагильский рабочий, 1984, 10 августа.
4. Малеева Л. П. Впереди новые находки.— Тагильский рабочий, 1984, 16 августа.
5. Русские механики Черепановы. Нижнетагильский историко-революционный музей. 1984.
6. Известие о сухопутном пароходе...— Горный журн., 1835, ч. II, кн. V.
7. Виргинский В. С. Жизнь и деятельность русских механиков Черепановых. М., 1956.
8. Рафиков М. России на века.— Уральский следопыт, 1984, № 12.
9. Тонков Р. Р. К истории паровых машин в России — Горный журн., 1902, т. II, кн. V.

КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕКА И ОБРАЗ ЖИВОТНОГО В «ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ» БЮФФОНА

М. В. РАЗУМОВСКАЯ (Ленинград)

В 1749 г. 42-летний Жорж-Луи Леклер граф де Бюффон начинает публиковать главный труд своей жизни — «Естественную историю», законченную к 1788 г., году смерти писателя. «Естественная история, всеобщая и частная» [1] состоит из 36 томов; в ней обобщен огромный фактический материал и описаны все известные к тому времени виды млекопитающих и птиц. Кроме того, в состав «Естественной истории» вклю-

чен ряд обширных теоретических трактатов и размышлений автора. Пять последних томов посвящены истории минералов.

«Естественная история» стала одним из наиболее значительных созданий научной и философской мысли эпохи Просвещения. Опираясь на эмпирический метод Бэкона — Ньютона, Бюффон материалистически воспринимал окружающую действительность. Как и все передовые умы его времени, он искал истину, не прибегая к помощи авторитетов. Бюффон призывал выводить общие закономерности на основании изучения фактов [2, с. 28—30]. Вселенная поконится на взаимоотношениях закономерностей, поэтому задача ученого — не собирать и классифицировать, а сравнивать наблюдаемые факты, ибо основой научного знания является только опыт. Бюффон вел свое описание животных по мере накопления фактического материала; вскоре он пришел к оправданному методу: частные наблюдения он подчинял всеобщим и в них стремился открыть управляющие ими законы. Он стал создателем исторической и описательной зоологии. В своей философской системе Бюффон органично сочетает картезианское методическое сомнение, эмпирический метод Ньютона, сенсуализм Локка [3, с. 56]. Во многом мировоззрение Бюффона было связано с материалистической философией Дидро. Уже в 1749 г. он с удовольствием читает сочинение Дидро «Письмо о слепых в навидание зрячим» и упоминает о нем в разделе об ощущениях [1, т. III, с. 318].

Как и у других его ученых современников, понятие природы занимало центральное место в концепциях Бюффона. Он видел в природе великую, все охватывающую и все оживляющую силу, в которой проявляется могущество Творца. Бог был нужен Бюффону, вынужденному считаться с авторитетом церкви (и даже в специальной речи оправдываться перед Сорбонной), для объяснения закономерности, целесообразности и порядка в природе, а также и власти человека, стремящегося постигнуть и подчинить ее [4, с. 561].

Концепция человека у Бюффона определяется его общим отношением к природе и ее закономерностям. Изучая натуру человека, Бюффон не отделяет его от животного мира и видит в человеке прежде всего лишь высокоорганизованное животное. «Первая истина, которая явствует из изучения природы, — заявляет он на первых же страницах „Естественной истории“, — это истина, возможно, унижительная для человека; она заключается в том, что человек должен поместить себя в разряд животных, на которых он походит во всем том, что в них есть материального» [1, т. I, с. 12]. Хотя в своих философских построениях он и отделяет животное от человека, наделенного разумом и душой, человеческий мозг он рассматривал как натуралист: это не высший инструмент для создания концепций, а материальный орган, идеи же наши не только не являются причинами вещей, но всего лишь результаты чувственного восприятия внешнего мира. Бюффон рассматривал человечество не как изолированных индивидов, а как биологический вид. Человек — высокоорганизованное животное, поскольку он может изменять природу путем своего собственного развития, при помощи своего ума, энергии, что не дано никакому другому живому существу. Человек отличается не только тем, что ходит на двух ногах и держится прямо, а и тем, что это — животное, развивающееся, способное к прогрессу; человек наделен индивидуальным интеллектом и духом, у остальных же животных есть лишь душа и интеллект вида. Таким образом, Бюффон является одним из основоположников антропологии. Именно Бюффон положил начало новой науке о человеке. Для него человек — предмет естествознания, высший представитель животного мира. Трактровка человека в таком плане явилась первым значительным достижением антропологии. В середине XVIII в. антропологию еще относили к области анатомии¹. Бюффон одним из первых разделил эти понятия: его «Естественная история человека» [II, с. 429—609] посвящена анатомии человека, а «Рассуждение о варьетах вида человека» [III, 371—530] — изменчивости различных свойств человека в зависимости от среды и условий жизни, т. е. антропологии. Бюффон определяет отличие человека от других видов животных, изучает специфику природы людей, принципы организации человеческого общества, основываясь не на теологических аргументах, а на научных данных.

¹ См., например, статью «Анатомия» в «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера, принадлежащую перу самого Дидро.

Но главная роль в грандиозном труде Бюффона отводится животным. Концепция животного у Бюффона и рисуемый им образ животного свидетельствуют о его новаторстве как ученого и писателя. В зоопсихологии XVII—XVIII вв. наблюдаются два основных направления: механицизм и антропоморфизм. Первое вслед за Декартом выделено в животном лишь машину, второе — без малого человека, способного любить, страдать и рассуждать почти по-человечески; и те, и другие по существу не знали животных [7, с. 9]. Издавна интерес к животным был связан с потребностью познать устройство Вселенной и определить место человека в этой системе. По картине мироздания, свойственной XVI в., сферы бытия мыслились упорядоченными по восходящей линии, причем каждая ступень соответствовала определенному роду творения: мир неорганический олицетворял атрибут существования, мир растений — атрибут питания, мир животных — атрибут ощущения, мир человека — атрибут разума. Все мироздание воспринималось как иерархия ступеней, где все элементы взаимосвязаны. В XVI в. о животных говорили либо с точки зрения моральной, либо с точки зрения богословской (в связи с актом творения и иерархией существ), причем положение человека, нагого и безоружного, расценивалось как более неустойчивое по сравнению с положением животного. Огромное воздействие на умы последующих поколений оказало уважительное и сострадательное отношение к животному у Монтеня, убежденного зоофила, [8, с. 377, 421—426 и др.]. Вслед за Монтенем сторонники антропоморфизма видели в животном существо, подобное человеку, столь же способное чувствовать, любить, страдать и по-своему рассуждать.

В XVII в. наблюдается живой интерес к психологии животных. В 1648 г. эрудит Габриель Ноде, философ и моралист, друг Гассенди, публикует латинское сочинение итальянского литератора и ученого XVI в. Иеронима Рорария (Rorarius) «О том, что неразумные животные часто пользуются разумом лучше, чем человек» («*Quod animalia bruta saepe ratione utantur melius homine*»)². К психологии животных обращались и писатели-моралисты (укажем, например, на известное размышление Ларошфуко «О сходстве людей с животными», где автор проявляет незаурядную наблюдательность [9, с. 215—216] и использует повадки животных для объяснения свойств человека; вспомним тут, конечно, и имя Лафонтена). Однако в науке восторжествовала иная точка зрения — механицизм. Декарт и позднее Мальбранш видели в животном лишь машину, полностью лишенную разума и способности к ощущениям. Так, например, визг собаки, испытывающей боль, Мальбранш считал подобным всего лишь скрипу плохо смазанного колеса. Уровень знаний XVIII в. позволил во многом опровергнуть аргументацию Декарта и его последователей. Под воздействием антропоморфизма находился, к примеру, материалист Ламетри.

Бюффон занимал в этом отношении несколько промежуточное положение: он разделял некоторые идеи Декарта об автоматизме животных, отказывая им в способности мыслить, но при этом он наделяет животных подлинной чувствительностью.

Как говорилось выше, на страницах «Естественной истории» представлены все виды млекопитающих и птиц, известные к XVIII в.; там скрупулезно описываются внешность животного, его повадки, их изменение в зависимости от климата, пищи, приуроченности человеком, их анатомические особенности, их расселение по земному шару. При этом, рисуя внешность и повадки животного, Бюффон рисует по существу его «портрет» и «нравы», а рассматривая изменение поведения животного, он приходит к выводу об изменении его «характера» и причинах этого.

Изображая внешность животного, Бюффон исходил из предпосылки, что внешне проявления живого существа непосредственно связаны с его внутренней сущностью. «Как жесты всегда соответствуют движениям лица,— писал он,— а оно в свою очередь выражает движение души» [1, т. II, с. 533], так и «красивая внешность, безупречность форм отвечают, как правило, внутреннему благородству» [1, т. XXIV, с. 3]; «форма тела обычно схожа с внутренним естеством» [1, т. IX, с. 130]; «о натуре животного можно судить по его внешности» [1, т. XIV, с. 134].

² Его перу принадлежит также трактат «*Oratio pro muribus*» (1548) в защиту крыс. В XVIII в. сходную тему развивал известный романист Ф. Паради де Монкриф, автор трактата «История крыс» (см.: [Moncrif]. *Histoire des Rats. Ratorpolis*, 1738). Можно предположить, что автору «Истории крыс» было хорошо известно сочинение Иеронима Рорария.

Бюффон выделяет определенные черты, относит животных к разряду красивых или уродливых. Например, признаком красоты он считает пропорциональность сложения («...у льва вид благородный, длина его ног пропорциональна длине тела <...>; у тигра слишком длинное туловище и короткие ноги» [1, т. IX, с. 130]; лошадь признается им «из всех крупных животных самой пропорционально и хорошо сложенной» [1, IV, с. 197]), поступь, живость движений («...у белки телце нервное, и все ее движения очень проворны» [1, т. VII, с. 253]); выражение физиономии, особенно глаза («...глаза косули оживлены подлинным чувством» [1, т. VI, с. 199], а у «сумрачной выдры» — «маленькие, полуприкрытые глаза» [1, т. VII, с. 135]; у куницы «физиономия тонкая, взгляд живой» [там же, с. 163]). Небезразличен автору и «наряд» животного («...у косули шкура всегда чиста, шерсть у нее гладкая и блестящая» [1, т. VI, с. 198—199]). Так Бюффон создает живую галерею индивидуальностей, за внешними чертами он рисует внутреннюю суть животного, как он ее себе представляет, и его «портреты» как бы оживают. Чтобы подчеркнуть индивидуальное своеобразие, Бюффон обращается и к способам звукового общения у животных, рисуя их голоса, вводя «прямоуся» (звукоподражание) на страницы своей книги.

Так Бюффон создает «моральный портрет» того или иного вида животного или птицы. «Гусь среди обитателей птичьего двора — это подлинный вельможа; его сложение, прямая осанка, степенная поступь, чистое и блестящее оперение, его общительный нрав, делающий его способным на сильную привязанность и долгую признательность, наконец, его бдительность, столь издавна прославляемая, — все это позволяет нам видеть в гусе одну из самых интересных и полезных домашних птиц» [1, т. XXIV, с. 32]. Такая индивидуализация (своего рода «психологизм») была большим достижением для французской прозы XVIII в.

Остановимся несколько более подробно на еще одной особенности художественного метода Бюффона. Автор далеко не равнодушен к своим героям и рисует их отнюдь не бесстрастно. Почти все «портреты» в «Естественной истории» субъективны и эмоционально окрашены симпатией или антипатией автора. При этом писатель симпатизирует не только тем, кто соответствует общепринятому эстетическому идеалу красоты: высокий рост, хорошее сложение, живость природы, изящество движений, большие выразительные глаза. Взгляд Бюффона-писателя более внимателен. Его симпатии вызывают социальные свойства животного: таковы общительные жеребята [1, т. IV, с. 177]; красавец-лебедь, которому «свойственны мирные привычки», все чувства которого «продиктованы любовью» [1, т. XX, с. 14], который «в мире со всей природой» [1, т. XXIV, с. 5]; ара, «птица красивая и редкая, приятная также своим общительным нравом и кроткостью природы; она скоро привыкает к людям и всегда хочет вернуть им их ласки» [1, т. XXI, с. 196]; слон, который «любим и уважаем всеми, ибо никто не имеет основания его бояться» [1, т. XI, с. 7], он признателен, подчиняется человеку, испытывая благодарность за хорошее обращение, он служит человеку «пылко, верно и разумно», сила у него сочетается с «мужеством, осторожностью, хладнокровием», прирученный слон становится «самым кротким, самым послушным» из животных, он ласкается к тому, кто за ним ухаживает, «предупреждает его желания, угадывает то, что может понравиться хозяину» [там же, с. 5—25].

Автора «Естественной истории» умиляет далее кротость природы «спокойного невинного оленя» [1, т. VI, с. 63], бобра, «достаточно кроткого и спокойного, легко приручаемого, немного грустного и даже вызывающего нашу жалость, лишенного пылких страстей и себялюбивых appetitов» [1, т. VIII, с. 287], «невинной канарейки с ее милыми ласками» [1, т. XIX, с. 2], а также «легкий нрав» белки, «красивого маленького зверька, <...> который из-за своей приятности, общительности и самой невинности заслуживает того, чтобы его щадили» [1, т. VII, с. 253]. Автор ставит в заслугу животному «терпеливость» (осел, «смирный и терпеливый, мужественно выносящий наказания и удары, воздержанный в пище» [1, т. IV, с. 392—393]), «чувствительность, послушание и мужество» (собака, которая «в большей степени, чем человек», наделена верностью, постоянством в привязанностях, лишена «честолюбия, корысти, жадности мести» и испытывает только один страх — страх не понравиться [1, т. V, с. 186; т. XI, с. 2]); «великодушие» и «умеренность», как у орла [1, т. XVII, с. 79].

Бюффон не может не отдать должного уму животного: «...лиса знаменита хитростями и во многом заслуживает свою репутацию <...>. Хитрая и осторожная, ловкая

и осмотрительная, вплоть до терпеливого умения выжидать, она меняет свое поведение, используя очень кстати свою способность размышлять» [1, т. VII, с. 75].

С удовольствием описывает Бюффон и супружескую привязанность. «Кроты отличаются нежной взаимной привязанностью, (<...> им свойственна сладостная привычка к покою и уединению вдвоем» [1, т. VIII, с. 82]. Живые и веселые малиновки, которые, «хотя и считаются символом легкомысленной любви, на деле любящи и постоянны (<...>). Самец самым нежным образом заботится о самочке, он не только приносит ей в гнездо мух, червей и муравьев, но и облегчает неудобства ее положения, высиживая яйца попеременно с нею» [1, т. XX, с. 118, 120, 128]. Всем голубям свойственны «любовь к обществу, привязанность к себе подобным, кротость нрава, целомудрие и чистота, т. е. взаимная верность и глубокая любовь самца и самки; опрятность, которая предполагает желание понравиться, стремление выглядеть грациознее, (<...> нежные ласки, тихие движения, робкие поцелуи, (<...> любовь, всегда длительная и постоянная, (<...> никакого раздражения, отвращения, ссор, вся их жизнь — это забота о любви и ее сладостных плодах. Какой пример человеку, если бы тот мог ему последовать!» [1, т. XVII, с. 523].

Восхищение писателя вызывают также родительская любовь и любовь детей к родителям: отважная курица, «обладающая всеми свойствами доброго сердца, забывающая о самой себе» при защите цыплят от ястреба [там же, с. 95—96]; морские коты, «страстно любящие свою семью» [1, т. XXX, с. 340]; аист, «которому приписывают моральные добродетели: умеренность, супружескую верность, сыновнюю любовь, почтение, нежные заботы о слабых и престарелых родителях» [1, т. XXI, с. 267—268].

Часто Бюффон сравнивает «красоту» или «уродство» животного с его нравственными свойствами, как он их себе представляет: «кротость глаз жирафы свидетельствует о кротости ее натуры» [1, т. XXXI, с. 351]; несовершенство форм свиньи, «самого грубого животного», «словно отразилось в ее скверной натуре» [1, т. V, с. 111—112]; у волка «низкая внешность, дикий вид, невыносимый запах сочетаются с извращенной натурой» [1, т. VII, с. 39]. Автор часто прибегает к приему противопоставления, чтобы лучше обрисовать «нравственный портрет» животного. Так, «индюк в обычном состоянии смиренен и прост» [там же, с. 133], тогда как цесарка — «птица живая, беспокойная и наглая, не сидящая на одном месте; она умеет сделаться хозяйкой птичьего двора, заставить бояться себя самих индюков, противостоя им своей дерзостью» [там же, с. 181]. Бюффон сравнивает «гордого, мужественного, благородного, милосердного» льва с тигром, «свирепым из низости, в жестокости не знающим справедливости» [1, т. IX, с. 129].

Целым рядом причин вызываются и антипатии автора. Это в первую очередь «дурные свойства» животного: асоциальность (таков «отшельник-медведь, из чувства инстинкта избегающий всякого сообщества, подверженный гневу, который часто выливается в ярость» [1, т. VIII, с. 254]; или волк, «враг любого союза», когда же волков видят вместе, то это не «мирное сообщество», а «воинственное сборище» [1, т. VII, с. 42]); или «неблагодарность» и «бесчувственность», свойственные, например, обезьянам, «которым неведомы ни чувствительность, ни признательность за доброе отношение, ни память о благодеяниях по отношению к ним» [1, т. XI, с. 3]; или «глупость», присущая овцам, которые «с бессмысленным упрямством остаются под дождем или снегом, если им не дать вожатого» [1, т. V, с. 4—5]; или кровожадность и «низость», этими качествами обладают шакал [1, т. XIII, с. 267] и тигр «с его лютым, бешеным нравом» [1, т. IX, с. 136].

Однако антипатии Бюффона вызываются часто и субъективными личными пристрастиями. Он не любит «ленивых и беспечных ежей» [1, т. XXXI, с. 300], воробьев, «ленивых, гурманов, их фамильярность и дерзость — всем в тягость» [1, т. XVIII, с. 478]. Но особое недоброжелательство автор испытывает к кошкам, о чем пишет очень подробно. Признавая их внешнюю приятность, он тем не менее утверждает, что они обладают «врожденной насмешливой злобностью», «лживым характером», «развращенной натурой», которую умело скрывают «только благодаря воспитанности». Они «прирожденные воры», их привязанность к нам — «одна видимость», а выдают их «их мягкие движения» и «двусмысленный взгляд»; они никогда не посмотрят нам в глаза то ли «из недоверия», то ли «из лживости». Форма их тела и их темперамент вполне согласны с их существом, кошка красива, легка, ловка, чистоплотна и «любит удоволь-

ствия». Ее натура — враг всякого принуждения, и ничто на свете не способно удержать кошку хотя бы на мгновение в том месте, откуда она хочет уйти [1, т. VI, с. 3—8].

Такого рода субъективность, пристрастность, эмоциональная окрашенность делают повествование Бюффона живым и захватывающим. И не случайно современники Бюффона зачитывались «Естественной историей» как увлекательным романом³.

Однако в наше время о возможности такого прочтения «Естественной истории» часто забывают. Говоря о Бюффоне-писателе, историки литературы обращаются обычно только к его знаменитому «Рассуждению о стиле», речи, произнесенной 25 августа 1753 г. при вступлении во Французскую Академию. При этом не принимается во внимание «Естественная история», которую относят обычно к жанру научному, документальному, не учитывая зыбкость, неопределенность прозаических жанров во французской литературе середины XVIII в. Процесс перехода документального жанра в жанр художественный — характерное явление века Просвещения. Так, отчеты о путешествиях легли в основу романа о путешествиях (Дефо, аббат Прево, Лесаж); психологический роман, по признанию самих романистов, мало чем отличается от серьезного морального трактата (Кребийон младший, аббат Прево, Дюкло, мадам де Тансен).

Конечно, «Рассуждение о стиле» следует воспринимать как подлинный эстетический манифест, где убежденно отстаиваются многие представления об искусстве, собственные еще «великому веку». Однако хотя эстетические воззрения Бюффона в основном соответствовали классической доктрине, на практике, в своей «Естественной истории», Бюффон содействовал утверждению просветительского реализма, прочно занявшего место во французской литературе и искусстве эпохи Просвещения.

Рассмотрение, подобное нашему, художественной структуры «Естественной истории», занимающей промежуточное место между научной и художественной прозой, убеждает, что поиски Бюффона-писателя были созвучны исканиям французской литературы XVIII в., в частности романа, который, стремясь к более полному и правдивому отражению жизни, ставил перед собою во многом те же задачи: индивидуализация внешнего портрета персонажа, его характера, более глубокий анализ душевных движений, психологии героя. Бюффон, несомненно, обладал особым талантом писателя, что очень ярко проявилось в его «Естественной истории». Вместе со своими соотечественниками-романистами он способствовал более глубокому творческому отражению жизни, поскольку, рисуя своих героев, пытался установить связь между физическим и психическим. Умение рисовать портрет, который начинает дополнять психологическую характеристику, помогало романистам создавать человека социального, исторического, учило их искусству обобщения. Выбор и соединение индивидуальных черт в облике героя приводили к сочетанию типичного и индивидуального при правдивом отражении реальной действительности. В этом отношении, нам кажется, бесспорна и заслуга Бюффона-писателя, ставившего перед собою те же высокие задачи, что волновали и его собратьев по перу, романистов, возвращенных, как и он, творческой, полной исканий атмосферой века Просвещения.

Литература

1. *Buffon*. Histoire naturelle, générale et particulière. Т. I—XXXVI. P., 1749—1788.
2. *Канаев И. И.* Жорж Луи Леклер де Бюффон. 1707—1788. М.—Л., 1966.
3. *Fellows O.* From Voltaire to «La Nouvelle critique». Problems and Personalities. Genève, 1970.
4. *Roger J.* Les Sciences de la vie dans la pensée française du XVIII siècle. La Génération des animaux de Descartes à l'«Encyclopédie». P., 1963, p. 561.
5. *Duchet M.* Anthropolologie et histoire au Siècle des Lumières. Buffon, Voltaire, Rousseau, Helvétius, Diderot. P., 1971, p. 223—277.
6. Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Т. I. P., 1751, p. 409—416.
7. *Шовен Р.* Поведение животных. М., 1972.
8. *Монтень М.* Опыты. Книга вторая. М., 1979.
9. *де Ларошфуко Ф.* Мемуары. Максимы. Л., 1971.
10. *Мерсье Л.-С.* Картины Парижа. Т. I. М.—Л., 1935.

³ «Хотя Бюффон и лучший естественный опытный, чем Монсей, все же к его труду „Эпохи природы“ отнеслись как к остроумному роману» [10, с. 406].